

К ВОПРОСУ ОБ ИЛЛОКУТИВНОЙ СИЛЕ ПЕРФОРМАТИВНЫХ ГЛАГОЛОВ В ЗАГОВОРАХ

EKATERINA N. KULIKOVSKAYA

ON ILLOCUTIONARY FORCE OF PERFORMATIVE VERBS IN RUSSIAN CHARMS

Настоящая работа представляет собой продолжение наших исследований перформативности заговора. Актуальность обусловлена наличием методологических проблем, связанных с перформативной лексикой, в заговоре проявляющей свои характерные свойства, позволяющие внести уточнения в общую проблему её вычленения. Рассмотрение иллокутивной направленности заговоров и отдельных речевых актов в составе заговоров позволяет сделать шаг к установлению критериев разграничения заговорных перформативных и неперформативных лексических единиц. Предметом данного исследования является иллокутивная сила перформативных глаголов в заговорах. Заговоры анализируются нами как косвенные речевые акты. В соответствии с теорией речевых актов мы выделяем структурно-семантические типы высказываний, которым соответствует определённая иллокутивная направленность (эксплицитные формы просьбы, приказа и пр.), хотя и при отсутствии строгой симметрии между иллокутивной силой и вербальной формой. Для высказываний, в которых передача иллокутивной силы высказывания происходит посредством не «своей» вербальной формы, мы используем термин «косвенный речевой акт». В статье рассматривается соотношение иллокутивной силы заговоров и использованных в них перформативных глаголов (приказываю, прошу, заговариваю, заклинаю, молю, призываю). Проанализированы случаи иллокутивной разнонаправленности заговорного речевого акта, оформляемого перформативным глаголом, который при употреблении в ритуально-магическом контексте, превращают просьбу в заговор. Привлечение заговорного материала позволяет расширить представление о перформативном глаголе и включить в состав перформативов заговорные магические акты, совершаемые с использованием речи: акты физического воздействия на объект, например, очищения или разрушения, акты ритуального движения, изменения состояния объекта и его перемещения (умываюсь, подрезаю, стрелю, перерубаю, секу, запираю, бросаю, черпаю, заламываю, облакаюсь, топчу). В результате наблюдения за иллокутивными характеристиками перформативных заговорных глаголов была выстроена их классификация с выделением лексико-семантических групп.

Ключевые слова: русские перформативные глаголы; иллокутивная сила; лингвистическая прагматика; русские заговоры.

The article continues author's research on the performativity of Russian charms (zagovory), which is urgent due to the presence of methodological problems associated with the performative vocabulary in the genre of charm: first of all, with the problems of this vocabulary's selection. The analysis of the illocutionary force of charms and individual speech acts in the charms makes it possible to approach to criteria for distinguishing between performative and non-performative words in charms. The research is devoted to the illocutionary force of performative verbs in charms. Charms are analyzed as indirect speech acts. The theory of speech acts identifies structural and semantic types of utterances, which are corresponding to a certain illocutionary force (explicit forms of requests, orders, etc.), although there is not strict symmetry between the illocutionary

**Екатерина Николаевна
Куликовская**

аспирант

► kulikovskaya.eka@yandex.ru

Ленинградский государственный
университет имени А. С. Пушкина
196605, Россия, Санкт-Петербург,
Пушкин, Петербургское шоссе, д.10

Ekaterina N. Kulikovskaya

Leningrad State University
named after A.S. Pushkin
10, St. Petersburg sh., Pushkin,
St. Petersburg, Russia, 196605

force and the verbal form. The acts of transferring the illocutionary force of one act through another are called indirect speech acts. The author discusses the relationship between the illocutionary force of charms and the performatives used in them (“I order, ask, exorcise, pray, summon”) and analyzes the cases of illocutionary multidirectionality of a charm speech act formed by a performative verb, and a charm containing this act. For example, the verbs of the act of request, used in a ritual-magical context, turn a request into a charm. Due to the involvement of charm material, it is possible to expand the explanation of the performative verb. In author’s analysis of performatives, not only speech acts, but some other acts are included, such as charm magic acts performed through speech: acts of physical impact on an object, for example, purification or destruction, acts of ritual movement, acts of changes in the state of the object and its movement (“I wash up, trim, shoot, cut in two, whip, close, throw, scoop, wring, enclothe, tramp”). As a result of observation of the illocutionary characteristics of performative charm verbs, their classification was built with the allocation of lexical-semantic groups.

Keywords: Russian performative verbs; illocutionary force; linguistic pragmatics; Russian charms.

Введение

Перформативные исследования представляют собой достаточно широкую научную область. С точки зрения теории речевых актов перформатив изучали Дж. Остин [Остин 1986], Дж. Серль [Серль 1986], З. Вендлер [Вендлер 1985], Н. Д. Арутюнова [Арутюнова 1976], О. А. Россолова [Россолова 2011], И. В. Четыркина [Четыркина 2002] и др.

Семантические свойства перформативного глагола как лексической единицы изучали Э. Кошмидер [Кошмидер 1962], Ю. Д. Апресян [Апресян 1986], Э. Бенвенист [Бенвенист 1974], Д. Войводич [Войводич 1999], М. Ю. Михеев [Михеев 2003], Е. А. Красина [Красина 1999] и др.

Современные исследователи применяют к перформативности и иные методологические парадигмы: Н. В. Горбачева рассматривает перформативность как когнитивно-дискурсивное явление, применяя к её анализу деятельностный подход [Горбачева 2015]; В. И. Тюпа также понимает перформативность как дискурс [Тюпа 2013]; С. Г. Проскурин описывает культуру как сеть, состоящую из узлов (перформативных высказываний) и нитей, их соединяющих (комментариев к перформативам) [Проскурин 2011].

Заговоры, с одной стороны, уже выступали как объект перформативных исследований. В ка-

честве перформатива заговорно-заклинательный текст в целом рассматривали С. Б. Адоньева [Адоньева 2005], Е. Н. Левкиевская [Левкиевская 2002], Н. И. Коновалова [Коновалова 2004], М. Вильякайнен [Viljakainen 2011], Д. Вукелич [Vukelić 2019], Д. Николич [Nicolić 2019] и др. А. А. Романов, Е. А. Романова, Е. Г. Федосеева [Романов, Романова, Федосеева 2013] рассматривают заговор как вид ритуальной коммуникации, обладающий свойством перформативности наряду с другими сакральными коммуникативными актами. Н. В. Гультьева, исследовав лексику русского заговора, делает замечание о том, что ядром заговорной перформативности являются глаголы [Гультьева 2013].

С другой стороны, до сих пор отсутствует подробное исследование, посвящённое глаголам как перформативным единицам в составе заговора. Ранее мы уже обосновывали необходимость такого исследования [см.: Куликовская 2019: 13]. Главным образом, эта необходимость обусловлена тем, что заговоры предоставляют богатейший материал перформативных глаголов. Исследование русского перформативного глагола без учёта данного материала было бы неполным. Также следует отметить, что изучение глагольной перформативности вносит вклад в исследование русского заговора как особого типа текста.

Итак, поскольку перформатив представляет собой сложное многоаспектное явление и изучается как речевой акт, как текст и как глагол, заговор также может быть исследован как перформативный текст, как перформативный акт и как источник, содержащий перформативные лексические единицы (глаголы). Базовой единицей нашего анализа являются перформативные глаголы, эксплицирующие ритуально-магические акты. Данные акты совершаются при участии речи, зафиксированы в письменном виде и обнаруживаются в составе заговорных текстов.

Цель

Целью данной статьи является рассмотрение иллюкутивной силы как важнейшей характеристики речевого акта и применение данного понятия к анализу перформативных глаголов в русских заговорах. Материалом явились сборники «Велико-

русские заклинания» Л. Майкова [Майков 1869] и «Календарно-обрядовый фольклор Сибири и Дальнего Востока» [Болонев, Мельников, Леонова 1997], а также некоторые материалы новейшего сборника заговоров «Магические практики севернорусских деревень» [Адоньева, Степанов 2020] и сборника материалов экспедиций 1998 г. [Аникин 1998]. Объём проанализированного материала: 987 лексических единиц. Мы проанализировали соотношение иллокутивной силы заговора и иллокутивной силы перформативных глаголов, используемых в заговоре, выявив определённые закономерности. Также мы приводим разработанную нами классификацию лексико-семантических групп перформативных глаголов, показывая, что семантика перформативного глагола в заговоре значительно шире устоявшегося представления о перформативной глагольной семантике (связывающейся, как правило, в трудах по лексикологии со значением речи).

Методы

При анализе глаголов и эксплицируемых ими речевых актов нами используются методы семантических примитивов, семного анализа. С точки зрения философско-методологической парадигмы мы опираемся на теорию речевых актов. В рамках теории речевых актов Дж. Остина была разработана концепция локутивного, иллокутивного и перлокутивного актов (Остин 1986). Несколько упрощая, можно сказать, что анализ локутивного акта позволяет выявить вербальные средства, использованные говорящим; анализ иллокутивного акта позволяет выявить намерение говорящего; наконец, анализ перлокутивного акта показывает, каким образом высказывание воздействует на адресата. Иллокутивный акт отличается от локутивного тем, что подразумевает направленность, которая лежит за рамками высказывания как такового. Как указывает В. Н. Василина, «иллокутивный акт проецируется на высказывание, с помощью которого он совершается, в виде иллокутивной силы. Число иллокутивных актов, совершаемых говорящим при произнесении высказывания, равно числу иллокутивных сил, которыми обладает высказывание» [Василина 2005: 2].

Проблема выявления и описания иллокутивной силы заключается в том, что иллокутивная сила не закреплена за какими-либо структурно-семантическими типами высказываний. С отсутствием отношений симметрии между иллокутивной силой акта и структурно-семантическим типом предложения связан вопрос о косвенных речевых актах. По Сёрлю, косвенные речевые акты представляют собой случаи, когда один иллокутивный акт осуществляется посредством другого [Сёрль 1986]. Однако такое представление о косвенном речевом акте предполагает, что всё-таки существует вербальная форма, закреплённая за определённым иллокутивным актом и (как правило, но не обязательно) распознаваемая в качестве именно этого акта. Как далее указывает Дж. Сёрль в той же работе «Для того чтобы быть вероятным кандидатом на выражение косвенного речевого акта, предложение должно быть прежде всего идиоматично. Довольно легко вообразить себе ситуации, в которых предложение *Are you able to reach that book on the top shelf?* 'Способны ли вы достать эту книгу с верхней полки?' может быть высказано в качестве просьбы. Но гораздо труднее представить себе ситуацию, в которой аналогичным образом могло бы использоваться предложение *Is it the case that you at present have the ability to reach that book on the top shelf?* Почему дело обстоит таким образом?» [Сёрль, там же].

Итак, хотя и существуют формы высказываний, распознаваемые как просьбы, обещания, клятвы и пр., однако в тех же обстоятельствах для той же цели могут использоваться совершенно другие типы высказываний. Выявить иллокутивную направленность высказывания позволяет анализ прагматического контекста высказывания.

Обсуждение

Прагматический контекст заговора может быть выявлен разными способами. Во-первых, даже ранние собиратели и составители заговоров интуитивно классифицировали заговоры по цели — «для чего» / «от чего» этот заговор. Во-вторых, (особенно это касается современных изданий) издание может быть снабжено обширными прагматическими комментариями, содержать фрагменты бесед с информантами. Наконец, прагматика заговора

может быть установлена учёным непосредственно при общении с информантом в условиях полевой работы.

Цель заговора связана с магической функцией языка и, как правило, не относится к попыткам каким-либо образом повлиять на собеседника в рамках речевого акта. Влияние на природу или других людей осуществляется иным путём: за счёт веры в онтологические возможности слова и ритуала. Заговор может произноситься с целью исцеления от физических и психологических недугов, с целью вызвать любовь, ненависть или уважение, защититься от начальства и судей, сохранить и укрепить семью, достичь успехов в полевых работах и на охоте и т. д. Указанные виды направленности обычно и ложатся в основу классификаций.

Наряду с тем, что заговоры подразделяются на разные виды по направленности, заговор существует и как особый иллокутивный тип, выделяемый на основании иллокутивной цели. Данную цель можно сформулировать следующим образом: речевое воздействие на социальные или природные отношения, явления или людей, с использованием магической функции языка, не связанное с убеждением или внушением. В основе заговора как особого акта лежит интенция недовольства существующей ситуацией (нужда) и стремление достичь какой-либо новой ситуации (желание).

В рамках заговора существуют единицы, в которых прямо выражается цель заговора:

Всех бы я подружек была бассей и милей, все бы на меня зрили и глядели: красны девицы, молоды молодцы, пожилы мужики, неженатенькие [Аникин 1998].

Однако заговор редко сводится к прямому (или с использованием сравнения) выражению пожелания. Зачастую цель заговора достигается посредством некоторого действия, которое выступает как способ осуществления желаемого.

Это ритуальное действие может совершаться в молчании (например, положить немного дерна в каждый угол жилища для защиты от вампиров) или же с использованием текста, в котором это ритуальное действие называется. Например:

Раба Божия Анна у раба Божьего Ивана *заедаю, загрызаю* тридцать-единую грыжу, тридцать-

единый сустав, головную, мозговую, глазную, носовую, ротовую, ручную, локотную и подлокотную, и кожную, и ногтевую, и кровяную [Адоньева, Степанов 2020, Т. 1: 78].

Безусловно, «заедаю» и «загрызаю» не являются констативами, несмотря на то, что проговаривание может сопровождаться обрядовым действием («пригрызания» суставов у младенца). Это перформативно употреблённые неперформативные глаголы. Произнесение такого глагола, даже сопровождаемое называемым действием, представляет собой такую же часть обряда, как и само действие. Особенно хорошо это заметно в заговорах, подобных следующему:

Я не порог *топчу*, я его, раба (имярек), *топчу*, я ему (имярек) сердце *топчу*, я ему (имярек) резвость *укрощаю* [Болонев и др. 1997: 379].

В таких формулах скрытого сравнения устанавливается метафорическая связь между ритуальным действием и тем желаемым действием, которое должно произойти в реальности в результате обряда. В приведённом примере действие («наступить на порог») становится ритуальным при помощи вербальной части обряда, а именно конструкции с цепочкой однородных сказуемых в перформативной форме 1 л. ед. ч. наст. вр. действ. зал. изъяв. накл., которые вводят метафору и раскрывают её содержание. Метафорический перенос осуществляется по двум направлениям. Во-первых, по признаку действия «топтать», в котором акцентируется значение «главенствовать», связанное с базовой универсальной оппозицией «верх-низ». Кроме того, семантически глагол «топтать» связан со всеми предметами, которые могут быть объектом такого действия: в том числе огонь может топтываться с целью погасить его. В приведённом примере — «сердце топчу» — актуализировано именно такое значение, что подтверждается синонимией глаголов «сердиться» — «яриться» и уточнением «резвость укрощаю». Во-вторых, по признаку символического значения порога дома как границы между внутренним пространством дома и внешним миром, переступаемой заговаривающей. Наступая на порог, новобрачная стремится обезопасить себя от возможной «резвости» бу-

дущего мужа и хозяев этого дома, его родителей, посредством ритуального и в то же время обыденного действия – «топтанья» порога, причём без называния и толкования данного действия оно не может стать символическим.

Ср. другой пример, с такого же рода разъясняющим, толкующим значение обряда перформативным глаголом:

Нож в землю *втыкаю* — злым людям и колдунам язык *подрезаю* [Болонев и др. 1997: 397].

Совсем необязательно заговор сопровождается называемыми действиями: обряд может это не предусматривать, действие может быть технически неосуществимым либо же архаичным:

Так же раб (имярек) *беру* ту же калену луковой стрелу и *состреливаю* с раба (имярек) порчу: с его тела, с его крови, с его легкой печени, с семидесяти семи жил, с семидесяти семи суставов на пни, на колоды, на зыбучие болота [Болонев и др. 1997: 462].

Глаголы в эксплицитной форме 1 л. ед. ч. наст. вр. действ. зал. изъяв. накл. особенно интересны, поскольку, называя акт, они выражают его иллюкутивную направленность, показывая, как его следует «интерпретировать». Данная иллюкутивная функция особенно важна для заговоров, так как магические речевые действия особенно нуждаются в толковании — в указании на то, *чего именно* хочет достичь говорящий при помощи этих действий. Посредством эксплицитного перформативного глагола устанавливается и достигается связь между ритуальным действием и целью обряда. Можно предположить, что называние действия, которое служит магическим способом достижения цели, делает упомянутую связь отрефлексированной, осознанной и за счёт этого наполняет действие смыслом:

Сяду я на кнут, *погоняю* кнут кнутом, оловянным прутом из своего огорода серого воробья, серого червяка, черную букарку. [Болонев и др. 1997: 302].

Называние способа достижения цели обычно содержится в так называемой «акциональной» части заговора, противопоставленной нарративным элементам, служащим подготовительным целям, а также «закрепке». В зачине заговорного текста находятся глаголы, обозначающие действие, кото-

рое не ведёт к достижению цели заговора, а является маркером подготовительного этапа:

Еду я из поля в поле, во зеленые луга, в дальние места по утренним зорям и вечерним закатам, *умываюсь* медной росой, *утираюсь* солнцем, *облекаюсь* облаками, *опоясываюсь* чистыми звездами и *еду* я, *еду* [Болонев и др. 1997: 336].

Этот пример показывает особую значимость вербальной составляющей обряда: называние воображаемых действий служит задаче перемещения в мифологический топос, в котором магические практики становятся реализуемыми, и психологической подготовке заговаривающего, защите от страха перед возможными последствиями этих практик: перед магическими нападениями, перед неудачей, ощущением вины и греховности.

В свою очередь, в заключительной части заговора широко распространены перформативы с семантикой закрытия:

Закрываю крепким замком и ключ — в воду [Болонев и др. 1997: 349].

Данные перформативы также направлены не на достижение основной цели заговаривающего, а на то, чтобы сделать заговор действенным, обеспечить заговору его магические свойства.

Особый интерес представляет роль эксплицитных перформативных глаголов в композиционной структуре заговора. Как нам удалось выявить, эти глаголы не называют основное ритуальное действие (за исключением глагола «заговариваю» и его дериватов, занимающих промежуточное положение между каноническими перформативными глаголами и полуперформативами). Какую же роль играют канонические перформативы в заговорных текстах?

Батюшка Истинный Исус Христос, Матушка Пресвятая Богородица, *прошу* вас: поставьте у рабы (имярек) мозги в головоньке крепко-накрепко, крепче старых, как при рождении, как на роду наречено, во веки веков [Болонев и др. 1997, с. 458].

Очевидно, глагол «прошу» называет иллюкутивный акт просьбы, но значит ли это, что данный заговор тождествен речевому акту просьбы? Нет: заговор остаётся актом заговора, целью которого является воздействие на здоровье заговариваемого. Однако в состав заговора включён речевой акт просьбы, выполняющий вспомогательную функ-

цию указания на адресованность. Проанализированный материал показывает (это видно и из приведённого примера), что адресатом заговора практически никогда не является реальное лицо, на которое заговаривающий намеревается оказать речевое воздействие. Реальные люди выступают лишь как объекты воздействия, осуществляемого без их участия, вне зависимости от их реакции на заговор; действующими субъектами, исполнителями воли заговаривающего, являются мифологические, религиозные персонажи: Бог, Иисус Христос, Богородица, святые, змеиная царица, заря и пр. Задачей эксплицитного перформатива является адресовать, направить заговор тому «получателю», который в традиционной культуре ассоциируется с выполнением желаемого действия, причём адресовать с учётом коммуникативных конвенций, принятых при обращении к данному персонажу:

(к змеиной царице) Я тебе *приказываю*: — Иди, приведи мне мать с отцом, братьев и сестер и всех детей! [Болонев и др. 1997: 298]

Просьба или приказ могут быть выражены без использования глагола в эксплицитной форме. Так же, как и другие ритуальные действия могут быть совершены и без него, а при помощи императива или вообще без использования глагола.

Ангел мой, хранитель мой, *спи* со мной на правом плечике, на ретивом сердечушке [Адоньева, Степанов 2020, Т. I: 503]

Если эксплицитировать иллокутивную силу этого оберега, то текст примет следующий вид:

Прошу тебя: ангел мой, хранитель мой, *спи* со мной на правом плечике, на ретивом сердечушке.

Подобные просьбы и приказы, включенные в структуру заговора, представляют собой, с одной стороны, композиционные элементы заговора, с другой стороны (взятые как отдельные иллокутивные акты), они относятся к косвенным речевым актам, так как, несмотря на то, что по форме это просьбы, прагматика их использования совершенно иная.

Особым статусом обладает глагол «заговариваю» (и его возможные дериваты, которые широко распространены в заговорах: «отговариваю», «переговариваю», «наговариваю», «выговариваю», «уговариваю» и т.д., а также возвратные формы). Данный глагол называет не какой-либо иллокутив-

ный акт, входящий в структуру заговора, а сам заговор как таковой. По сути, «заговариваю» — это наиболее общий перформативный глагол. Можно считать, что он имплицитно входит в глубинную структуру любого заговора.

Уговариваю раба Божія (имя рекъ) отъ цынги и ломоты, зубныя щемоты [Майков 1869, с. 36].

Заговариваю я, рабъ Божій (имя рекъ), сими словами, и святыхъ угодниковъ на помощь призываю и умоляю ихъ [Майков 1869, с. 117].

Во морскомъ озерѣ, во святомъ колодцѣ черпаю я воду, *отговариваю*, *приговариваю* отъ той отъ лютой отъ мѣдяницы, отъ золотой головы [Майков 1869: 73].

Лексическое значение слова «заговариваю» можно представить в развёрнутом виде как «осуществляю речевое воздействие с ритуально-магической целью». Представляет интерес тот факт, что употребление данного глагола (разумеется, именно в рассматриваемом значении) превращает в заговор совершенно любой речевой акт, даже находящийся за пределами ритуального контекста. Можно вообразить речевую ситуацию, в которой один из коммуникантов пожаловался на зубную боль, на что второй коммуникант ответил:

Я *заговариваю* твою зубную боль.

Такой речевой акт будет воспринят как заговор вне зависимости от контекста, кроме тех случаях, когда фрейм транспонирован (например, эта же фраза говорится в шутку или в форме игры). Употребление перформативного глагола с иллокутивной силой заговора является маркером заговора как речевого акта, причём для однозначной интерпретации требуется именно эксплицитная форма, а также дейктический элемент. Ср. акты:

Я *заговариваю* зубную боль.

Сергей *заговаривает* зубную боль.

Данные акты могут являться сообщениями-констативами.

Произнося «заговариваю», коммуникант присваивает себе способность совершать магические действия при помощи слова; перформативно употребляя данный глагол с отсылками к ситуации «здесь-сейчас», коммуникант осуществляет магический акт. Дейксис может быть подразумеваемым или выраженным: ср. в приведённых выше приме-

рах «имя рек» (указание на воздействие на присутствующего здесь человека), «сими словами», «той от медяницы», «твою зубную боль». При отсутствии других критериев именно элементы дейксиса позволяют понять, является ли глагол перформативом или констативом, реализуется ли актуальное настоящее время, необходимое для перформативного употребления.

Существуют заговорные перформативные формулы, которые выражают иллюкутивную силу заговора, однако ответственность за магическое действие передаётся от «я» заговаривающего к «он/она» сверхъестественного существа:

Не я *говору*, не я *выговариваю*; *выговаривая*, *отговаривая* сама Божья матушка, Пресвятая Богородица, со всѣмъ своимъ соборомъ, съ Миколаемъ Угодникомъ, великимъ помощникомъ, и съ небеснымъ воеводою [Майков 1869: 70].

Это интересный пример квазиперформатива (использования перформативного глагола в неперформативной форме), нетипичный для обыденной речи и строго обусловленный ритуальным контекстом.

Выводы

Итак, мы разработали следующую классификацию заговорных перформативных глаголов с точки зрения их иллюкутивных характеристик:

1) Глаголы, иллюкутивная цель которых является способом достижения цели заговора (*отсекаю*, *перерубаю*, *топчу* и пр.);

2) Глаголы, цель которых равна цели заговора (*одеваюсь*, *умываюсь*, *покрываюсь*, *закрываю* и пр.);

3) Глаголы, цель которых равна цели отдельного речевого акта в составе заговора, но не цели всего заговора (*приказываю*, *молю* и пр.);

4) Глаголы, цель которых равна коммуникативному намерению заговаривающего (*заговариваю* и пр.).

Глаголы первой и второй группы обладают семантикой действия, направленного на физическое изменение, перемещение, изменение состояния какого-либо объекта. Отличие глаголов второй группы от первой заключается в том, что они просто констатируют некое действие, совершаемое заговаривающим в ходе обряда и не обладают мета-

форической, ритуально-магической связью с желаемым результатом. Их перформативность обусловлена только контекстом. Глаголы третьей группы — это глаголы, как правило, наделённые семантикой речевого или социально-институционального акта (также присутствует глагол «справляться» в значении «спросить, узнать»). Наконец, в четвёртую группу входит глагол «заговариваю» со всеми его дериватами.

Всю многообразную совокупность заговорных перформативных глаголов, во избежание терминологического смешения, мы обозначили как «заговорные перформативные каузативы»; канонический перформативный глагол — глагол с семантикой речевого или социально-институционального действия, полуперформативный глагол — глагол неречевого действия, каузирующего переход от Ситуации 1 к Ситуации 2, наконец, квазиперформатив — перформативный глагол в неперформативной форме. Иллюкутивная направленность и связанная с ней семантика данных глаголов представлена на схеме (Рисунок 1).

Помимо построения классификации, анализ примеров позволил нам сделать важные наблюдения, касающиеся соотношения иллюкутивной силы глагола и иллюкутивной силы заговора в случае каждой группы. Была показана метафорическая связь между семантикой глагола, называющего способ достижения цели заговора, и самим желаемым результатом. Проанализированы конструктивные позиции глаголов разной иллюкутивной направленности в зачине, нарративной, акциональной частях, «закрепке» заговора. Установлено, что заговорный перформативный каузатив выполняет важную функцию экспликации иллюкутивного акта (подразумевающего речевое воздействие), также эксплицирует прочие ритуально-магические акты, совершаемые при участии речи, но несводимые к ней.

ИСТОЧНИКИ

Адоньева, Степанов 2020 — Адоньева С., Степанов А. Магические практики севернорусских деревень: заговоры, обереги, лечебные ритуалы, СПб: Пропсовский центр, 2020. Т. 1: 704 с., Т. 2: 568 с.

Майков 1869 — Майков В. Великорусские заклинания. СПб., 1869. 164 с.

Проскурин 2011 — Проскурин С. Г. К вопросу о тематической сети языка и культуры: Древние перформативы, космос и римское право. *Критика и семиотика*. 2011 (15): 24–30.

Романов и др. 2013 — Романов А. А., Романова Л. А., Федосеева Е. Г. *Перформативные ритуальные акты сакральной коммуникации*. М.: Тверская ГСХА, 2013. 241 с.

Россолова 2011 — Россолова О. А. Перформатив как показатель адресованности высказывания. *Вестник КРАУНЦ*. 2011 (1). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/performative-as-an-indicator-ofutterance-addressness> (дата обращения: 19.05.2020)

Серль 1986 — Серль Дж. Косвенные речевые акты. В сб.: *Новое в зарубежной лингвистике*. М.: Прогресс, 1986. Вып. 17. С. 195–223.

Тюпа 2014 — Тюпа В. И. Перформативные основания лирики. В сб.: *XLII Международная филологическая конференция, Санкт-Петербург, 11–16 марта 2013 г.: Избранные труды*. С. И. Богданов, Ю. В. Меньшикова (ред.). СПб., 2014. С. 306–312.

Четыркина 2002 — Четыркина И. В. Перформативность как универсальная черта текстов прагматической направленности (на материале древнегерманских заговоров и современных рекламных текстов). В сб.: *Сфера языка и прагматика речевого общения: Междунар. сб. научных тр.* Краснодар, 2002. Т. 1. С. 226–232.

Nicolić 2019 — Nicolić D. Rational argumentation in irrational discourse: Argumentative techniques of verbal charms and folk prayers. In: *Charms and Charming. Studies on Magic in Everyday Life*. É. Pócs (ed.). Ljubljana, 2019. Pp. 69–86.

Viljakainen 2011 — Viljakainen M. How Miina Huovinen's incantations are structured. In: *Oral Charms in Structural and Comparative Light: Proceedings of the Conference of the International Society for Folk Narrative Research's (ISFNR) Committee on Charms, Charmers and Charming. 27–29 October 2011*. Т. А. Mikhailova, J. Roper, A. L. Toporkov, D. S. Nikolaev (eds.). Moscow, 2011. P. 201–207.

Vukelić 2019 — Vukelić D. Micro-analysis of Uroci (evil charms and spells) in the Croatian tradition. In: *Charms and Charming. Studies on Magic in Everyday Life*. É. Pócs (ed.). Ljubljana, 2019. P. 69–86.

REFERENCES

Адоньева 2005 — Adonyeva S. B. Conventions of ritual-magic acts. In: *Zagovorniy tekst. Genesis i struktura*. Nevskaya L. G., Sveshnikova T. N., Toporov V. N. (eds.). Moscow: Indrik Publ. P. 385–401. (In Russian)

Апресян 1986 — Apresian Iu. D. Performatives in grammar and vocabulary. *Izvestiia AN SSSR. Seriya literatury i iazyka*. 1986 (3): 208–223. (In Russian)

Арутюнова 1976 — Arutjunova N. D. *The sentence and its meaning*. Moscow: Nauka Publ. 383 p. (In Russian)

Бенвенист 1974 — Benveniste E. *Problèmes de linguistique générale*. Moscow: Progress Publ, 1974. (In Russian)

Василина 2005 — Vasilina V. N. Illocution as a communicative characteristic of an utterance. *Vestnik MGLU. Seriya 1. Filologiya*. 2005 (2): 44–53. (In Russian)

Вендлер 1985 — Wendler Z. Illocutionary suicide. In: *Novoe v zarubezhnoi lingvistike, iss. 16. Lingvisticheskaya pragmatika*. Moscow: Progress Publ, 1985. P. 238–251. (In Russian)

Войводич 1999 — Voivodich D. On the valency of performative verbs in Slavic languages. In: *Zbornik Matitse srpske za slavistiku*. 1999 (56–57): 71–94. (In Russian)

Горбачева 2015 — Gorbacheva E. N. *Discursive performativity: features, types, genres*. Astrakhan: Astrakhan University Publ, 2015. 303 p. (In Russian)

Гультяева 2000 — Gultyeva N. V. *On the valency of performative verbs in Slavic languages*. Author's abstract. dis. ... Cand. philol. Ekaterinburg, 2000. 19 p. (In Russian)

Коновалова 2004 — Konovalova N. I. Healing charms as suggestive text. *Izvestiia RGPU im. A. I. Gertsena* (7). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/lechebnye-zagovory-kak-suggestivnyy-tekst> (request date: 13.06.2021). (In Russian)

Кошмидер 1962 — Koshmider E. Outline of the science of the types of the Polish verb. Synthesis experience. In: *Voprosy glagol'nogo vida*. Maslov Iu. S. (ed.). Moscow: Izdatel'stvo inostrannoi literatury, 1962. P. 105–166.

Красина 1999 — Krasina E. A. *Semantics and pragmatics of Russian performative utterances*. Dr. Hab. diss. Moscow, 1999. 310 p. (In Russian)

Куликовская 2019 — Kulikovskaia E. N. Performative verbs in Russian spells as an object of the theory of speech acts. *Mir russkogo slova*. 2019, (2). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/performativnye-glagoly-v-russkikh-zagovorah-kak-obekt-teorii-rechevykh-aktov> (request date: 13.07.2021). (In Russian)

Михеев 2006 — Mikheev M. Iu. Performative and metatext utterance. In: *Logicheskii analiz yazyka*. Arutiunova N. D. (ed.). Moscow: Nauka Publ. P. 251–260. (In Russian)

Остин 1986 — Austin J. How to do things with words. In: *Novoe v zarubezhnoi lingvistike, iss. 17. Teoriia rechevykh aktov*. Moscow: Progress Publ. P. 22–131. (In Russian)

Проскурин 2011 — Proskurin S. G. On the issue of the thematic network of language and culture: Ancient performatives, space and Roman law. *Kritika i semiotika*. 2011 (15): 24–30. (In Russian)

Романов и др. 2013 — Romanov A. A., Romanova L. A., Fedoseeva E. G. *Performative ritual acts of sacred communication*. Moscow: Tver State Agricultural Academy Publ., 2013. 241 p. (In Russian)

Россолова 2011 — Rossolova O. A. Performative as an indicator of utterance addressness. *Journal Collection of Scientific Works of KRASEC. Section «The Humanities»*. 2011, (1). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/performative-as-an-indicator-of-utterance-addressness> (date of access: 19.05.2020). (In Russian.)

Сёрль 1986 — Searle J. Indirect speech acts. In: *Novoe v zarubezhnoi lingvistike. Vyp. 17*. Moscow: Progress Publ, 1986. P. 195–223. (In Russian)

Тюпа 2014 — Тюпа В. И. The performative basis of lyrics. In: *XLII Mezhdunarodnaya filologicheskaya konferentsiya, Sankt-Peterburg, 11–16 Marta 2013 g.: Izbrannye Trudy*. Bogdanov S. I., Menskikova Iu. V. (eds.). St. Petersburg, 2014. P. 306–312. (In Russian)

Четыркина 2002 — Chetyrkina I. V. Performativity as a universal feature of pragmatic texts (on the basis of ancient germanic charms and modern marketing texts). In: *Sfera jazyka i pragmatika rechevogo obshhenija*. Krasnodar, 2002. Vol. 1. P. 226–232. (In Russian)